

Croft W. Syntactic categories and grammatical relations: the cognitive organization of information. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1991. P. XIII + 231.

Заглавие работы – "Синтаксические категории и грамматические отношения" – в переводе на язык восточно-европейской лингвистической традиции звучит как "Части речи и члены предложения". Два "вечных" вопроса грамматики В. Крофт решает с позиций функциональной типологии. Это означает, что основная задача автора – объяснить, каким образом с помощью лексики и грамматических средств происходит концептуальное членение картины мира и как это членение приспособляется к коммуникативной задаче говорящих. Анализируя соотношение лексических классов и элементарных компонентов предложения в языках мира, автор выявляет универсальные принципы когнитивной организации информации в естественном языке.

В первой части книги обсуждаются проблемы классификации лексики. В основе концепции В. Крофта – понятия "прототипа" и "маркированности". В каждой синтаксической категории (части речи – В.П.) выделяется ядро, обладающее прототипическими функциями. Известно, сколь уязвимы школьные определения типа "глаголы – это слова, обозначающие действие и выступающие в предложении в качестве сказуемого". Достаточно сослаться на существительные типа *бег*, которые также обозначают действие, но выступают в качестве подлежащего или дополнения. Тем не менее и интуиция исследователя, и интуиция носителя языка подсказывает нам, что за школьным определением стоит некоторая объективная тенденция использовать слова одного типа для обозначения предметов, а слова другого типа для обозначения действий. В. Крофт формулирует эту тенденцию в терминах прототипических функций – семантической и прагматической. Прототипическая семантическая функция существительных – обозначение объектов, глаголов – обозначение действий. Прототипическая прагматическая функция существительных – референция (введение сущности, о которой идет речь), прототипическая прагматическая функция глагола – предикация. Прилагательные являются промежуточной категорией: их прототипической семантической функцией является обозначение признаков, а прототипической прагматической функцией – модификация (сужение или уточнение свойств референта).

При таком подходе существительные типа *бег* не являются семантически прототипическими – они обозначают действие, а не объект. Однако они сохраняют свою прототипическую прагматическую функцию – референцию, что подтверждается их способностью контролировать анафорические местоимения-заместители, их сочетаемостью с указательными местоимениями, характером согласования с прилагательными и проч.

Прототипические имена и прототипические глаголы лежат на разных полюсах семантической и прагматической шкал, движение вдоль которых осуществляется по мере изменения определенного набора параметров. Так, на движение вдоль семантической шкалы влияют, в частности, следующие параметры: (а) наличие свободных семантических валентностей, (б) стативность обозначаемого явления, (в) непрерывность обозначаемого явления и ряд других. Свободных семантических валентностей у прототипических прилагательных больше, чем у прототипических существительных, а у глаголов – больше, чем у прилагательных. По признаку стативности глаголы противопостоят существительным и прилагательным. По признаку непрерывности граница может проходить внутри прилагательных – тестом может служить сочетаемость со словами типа *всегда*. Прилагательные, обозначающие прерывные признаки, с такими словами сочетаются (*всегда пьяный, всегда голодный*), а обозначающие непрерывные признаки – не сочетаются (**всегда жадный, *всегда глупый*).

Самым привлекательным в концепции В. Крофта мне представляется сформулированный им принцип минимальной маркированности прототипа. Противопоставление маркированность vs. немаркированность также не считается бинарным, а рассматривается как градуированная шкала. Минимальной маркированностью обладают языковые единицы в своей прототипической функции, маркированность растет по мере приобретения единицей непрототипических свойств.

Автор предлагает следующие критерии маркированности:

1) Структурный критерий: в маркированную форму входит не меньше

морфем, чем в немаркированную. Так, использование лексемы не в прототипической функции является маркированным, что может получать специальное морфологическое выражение.

2) Сочетаемый критерий: (а) для немаркированной формы релевантно не меньшее число грамматических противопоставлений, чем для маркированной, и (б) немаркированная форма способна входить в неменьшее число синтаксических конструкций. Так, глагол в прототипической (немаркированной) – предикативной – функции свободно присоединяет показатели времени, вида, наклонения. С приобретением непрототипических функций (референции и модификации) растут ограничения на присоединение этих показателей (как это происходит, например, с инфинитивами или причастиями). Инфинитивы и причастия имеют и меньшую степень синтаксической свободы.

3) Частотный критерий: маркированная форма не более частотна, чем немаркированная.

Автор убедительно показывает, что употребление основных частей речи в прототипической функции является немаркированным и рассматривает на материале языков различных групп основные способы маркирования непрототипических употреблений лексем. В работе анализируются: существительные и прилагательные в предикативной функции (в частности, конструкции, включающие аффиксы и служебные слова с копулятивным значением); существительные, выполняющие модифицирующую функцию (в частности, генетивные конструкции); глаголы в референтной функции (в частности, различные типы номинализации) и ряд других лингвистических феноменов.

Вторая часть работы посвящена функционально-типологическому исследованию проблемы грамматических отношений. Здесь основной задачей автора было показать, каким образом предикатно-аргументная структура предложения коррелирует с прагматической структурой пропозиции.

Всякое положение вещей концептуализируется в языке как фрагмент цепи причинно-следственных отношений, связывающих элементарные ситуации и объекты. Предикатно-аргументная структура предложения отражает лексическое значение предиката и, в частности, представленный в предикате семантический тип каузации. Даже в тех случаях, когда концептуализируются отношения, исключаящие воздействие одной сущности на другую, например, простран-

венные или временные, язык использует каузальные цепи как метафорическое средство отображения действительности.

Автор рассматривает четыре принципиальных способа воздействия одной сущности на другую в зависимости от природы этих сущностей и характера происходящих в них изменений.

1. Воздействие ментальной сущности на физическую сущность (волитивная каузация): *Я сломал палку*. Этот тип каузации является прототипическим, и потому минимально маркированным. Семантическая роль, соответствующая инициатору волитивной каузации именуется Агенсом.

2. Воздействие одной ментальной сущности на другую (индуктивная каузация): *Я убедил его приехать*.

3. Воздействие физической сущности на ментальную сущность (аффективная каузация): *Эти звуки наводят тоску*. Семантическая роль, соответствующая инициатору аффективной каузации, именуется Стимулом, а роль, соответствующая мишени, – Экспериментером.

4. Воздействие одной физической сущности на другую (физическая каузация): *Капля камень точит*. Семантическая роль, соответствующая мишени физической каузации, именуется Пациентом.

В принципе, каждая из сущностей, участвующих в каузальной цепочке, может быть в предложении подлежащим, прямым дополнением или косвенным дополнением. Для этого существуют разнообразные морфосинтаксические механизмы кодирования семантических ролей, и в первую очередь, система залоговых преобразований. Выбор того или иного актанта в качестве подлежащего определяется, прежде всего, прагматическими принципами: степенью активности соответствующего участника ситуации, степенью определенности, эмпатией говорящего и проч.

В этой части работы особенно интересно, с моей точки зрения, исследование способов кодирования косвенных дополнений в зависимости от статуса соответствующих актантов в каузальной цепочке. Известно, что одни и те же морфосинтаксические средства могут использоваться для кодирования разных семантических ролей. Обычные варианты такого синкретизма – использование одного и того же средства для выражения адресата и результата (русский дательный падеж) или инструмента, способа и комитатива. Автор дает этому явлению функционально-типологическое объяснение. одни

средства используются для кодирования семантических ролей, которые в каузальной цепочке, соответствующей значению данного предиката, предшествуют прямому дополнению (инструмент, причина, способ), а другие – для тех ролей, которые в каузальной цепочке следуют после прямого дополнения (бенефактив, адресат, результат). Набор этих средств, как правило, не пересекается.

К сожалению, в этом и большинстве других разделов второй части книги автор устанавливает соответствие между предикатно-аргументной структурой предложения и прагматическим членением пропозиции, исходя из того, что такое членение уже проведено, и в частности, известно, как определяются подлежащее и дополнение. Однако несмотря на то, что критерии подлежащности (и в первую очередь, прагматические) достаточно разработаны, эта задача еще весьма далека от полного разрешения. Рефлексы этого обнаруживаются и в самой работе: так выделение семантической роли Пассивного агенса кажется недостаточно обоснованным смешением разных уровней.

Впрочем, недостаточная строгость отдельных формулировок компенсируется богатством и разнообразием фактического материала. Основные положения иллюстрируются убедительно и изящно. В работе используются данные более чем ста языков, причем многие из них даются не по описаниям, а собраны самим автором. Многие выводы подкрепляются весьма внушительными статистическими подсчетами. Например, чтобы выявить распределение прототипических функций по частям речи, был проанализирован словарь базовой русской лексики [1], включающий 468 производных основ. Статистической обработке подвергались также связанные тексты ряда америндских и австралийских языков.

Следует отметить также удачную композицию работы, эксплицитное и очень живое изложение материала. Рецензируемая работа, как и вышедший за год до нее учебник по типологии [2], свидетельствует о безупречных дидактических способностях и эрудиции автора.

С моей точки зрения, исследование прототипических функций частей речи позволит по-новому взглянуть на некоторые явления, которые до сих пор не рассматривались в контексте функциональной типологии. Приведу один пример. Известно, что во многих языках возможна синонимическая замена полнозначного глагола на сочетание полувспомогательного глагола и

полнозначного имени, являющегося при этом глаголе подлежащим или дополнением (*работать/заниматься работой, служить/нести службу*). Такие глаголы с максимально обобщенной семантикой были описаны в рамках модели "Смысл-Текст" как лексические функции-параметры [3–4]. Замена полнозначного глагола на сочетание имени с глаголом-параметром позволяет осуществлять референцию к непредметным сущностям, в том числе, к ситуациям. Обращает на себя внимание тот факт, что глаголы-параметры часто выступают в составе так называемых "вместоглаголий" в сочетании с анафорическими местоимениями: (*это*) было, (*это*) произошло, поступил (*так*). Вместоглагольные конструкции кореферентны в тексте глагольной группе или целому предложению: *Я действительно разбил чашку, но я сделал это нечаянно*. Некоторые лексические функции-параметры способны выступать только как вместоглаголия (*поступить так*); другие, напротив, не способны к вместоглагольному употреблению (*производить ремонт, но не *производить так/это*); третьи допускают оба употребления (*заниматься рисованием/заниматься этим*). Антецедентом вместоглагольной конструкции может быть только такая глагольная группа, которая удовлетворяет семантическим требованиям, задаваемым глаголом-параметром. Так, антецедентом вместоглаголия *сделал это* могут быть только глагольные группы, обозначающие действие, контролируемое субъектом (*Иванов простудился. *Он сделал это вчера*). Те же семантические требования подключаются, когда в сочетании с параметрическим глаголом выступают неопределенные местоимения или вопросительные слова и необходимо дальнейшее развертывание связанного теста – снятие неопределенности или ответ на вопрос (*Что он сделал? *Потерял сознание, *Простудился*). Такие глаголы-параметры, как *натворить* или *вытворять*, вне фразеологизмов типа *натворить бед* могут употребляться только с неопределенным местоимением или вопросительным словом (*Что он опять натворил? Что же ты наделал?*) [5].

Таким образом, сочетание существительного или местоимения с глаголом-параметром представляет собой особый морфосинтаксический прием, позволяющий одновременно осуществлять две прагматические функции – референцию и предикацию. Ис-

следование таких конструкций в языках разных типов может существенно продвинуть наше представление о распределении прагматических функций между прототипическим именем и прототипическим глаголом.

Приведенный пример показывает, что рецензируемая работа, с одной стороны, опирается на важнейшие достижения семантической и синтаксической типологии, а с другой – может дать импульс дальнейшим исследованиям в этой области.

К сожалению, на этом фоне огорчает слабое знакомство автора с образцами российской лингвистической мысли. В первую очередь, это относится к типологическим исследованиям недавно скончавшегося И.Ш. Қозинского, посвященным, в частности, ядерным (прототипическим) категориям [6]. Работы московской школы лексической семантики и, прежде всего, Ю.Д. Апресяна, существенны для понимания того, как значение лексемы может быть встроено в семантическую и прагматическую структуру предложения [7]. С этой же точки зрения, представляет интерес формальный язык для записи толкований, разработанный З.М. Шаляпиной [8].

Следует упомянуть и несколько досадных технических промахов. Так, в русском примере на стр. 201 содержится ошибка: следует читать *zaseivaet pol-e* (АСС). Две аналогичных таблицы – 2.4. (стр. 65) и 3.3. (стр. 137) – оформлены не вполне единообразно (ср. *valence/valency*, *state/siative*,

O/zero). Имеется опечатка на рис. 5.1. (стр. 185): следует читать: *passive agent comitative*.

Однако все упомянутые недостатки носят преимущественно периферийный характер. Книга В. Крофта – масштабное исследование, свидетельствующее о появлении значительного имени на типологическом горизонте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Wolkansky C., Poltoratsky M. Handbook of Russian roots. New York. 1961.*
2. *Croft W. Typology and universals. Cambridge. 1990.*
3. *Мельчук И.А., Жолковский А.К. О семантическом синтезе. Проблемы кибернетики. 19. М., 1967.*
4. *Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей "Смысл-Текст". М., 1974.*
5. *Подлеская В.И. Вопросы лексической и синтаксической семантики: анафора в современном японском языке. М., 1990.*
6. *Козинский И.Ш. Некоторые грамматические универсалии в подсистемах выражения субъектно-объектных отношений. Дис... канд. филол. наук. М., 1979.*
7. *Апресян Ю.Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка). М., 1974.*
8. *Шаляпина З.М. Формальный язык для записи толкований слов и словосочетаний. Проблемы кибернетики. 36. М., 1979.*

В.И. Подлеская

Семенов А.Л. Лексикология современного китайского языка. М., Наука, Главная редакция восточной литературы. 1992. 279 с.

Любое путешествие интересно. Пригласит и "сюжет" путешествия, и его цель, и даже экипировка. Книга А.Л. Семенова – тоже путешествие, но ментальное – в лексикологию. По тщательно и безупречно обдуманному маршруту, с подготовленным (вполне надежно) и проверенным рефлексивным инструментарием.

Такое путешествие интригует, заставляя вглядываться в знакомый (например, для китаиста) лексический материал или привыкать (некитаистам) к его непривычной семантической парадоксальности. Особенно интересной представляется середина этого путешествия – главы вторая и третья ("Проблемы лексико-семантической парадигматики" и "Лексические комплексы и их синтагматическая структура"). Первая и

четвертая главы – это своеобразная рамочная конструкция, позволяющая четче и яснее представить самое главное – характер и структуру семасиологического целоположения, национальную (точнее говоря, этническую) специфику смыслоформирования и смыслоформулирования в лексической системе китайского языка. Для чего же нужны были эти усилия? Пожалуй, ответом на этот вопрос служит четвертая глава ("Словари китайского языка и современные проблемы лексикографии"), в которой рассматриваются различные тактики фиксации лексического материала и того, что можно назвать *т е л о л о г и е й* (установкой) словаря: речь идет о способах выделения и толкования значений, а также о принципах определения объема словаря и характера